

10. Risking death to reach the United States // The Economist, March 10, 2005. – P. 25-27.
 11. Weaver G.R. American Mosaic // Essential, Bucharest. – 2004. – # 17, 18, 19. – pp. 20-21.
 12. MacNeil R., Cran W. Hispanic Immigration: Reconquest or Assimilation // Do You Speak American? – New York: a division of Random House, Inc., 2005. – P. 89-114.
 13. Armaz G. For Hispanics, U.S. Census Can Cause an Identity Crisis // Houston Chronicle. – 2003. – P. 4A.
 14. Cadena J. It's My Country Too // Encountering Cultures. Reading and Writing in a Changing World / ed. by R. Huletton. – NJ: A Blair Press Book, 1992. – P. 114-120.
 15. Cofer O.J. Silent Dancing // Visions of America. – New York: Persea Books, 1993. – P. 179-186.
 16. Islas A. Thanksgiving Border Crossing // Encountering Cultures. Reading and Writing in a Changing World / ed. by R. Huletton. – NJ: A Blair Press Book, 1992. – P. 512-520.

Юрченко С. А.

ОБРАЗНОСТЬ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЙ КОММУНИКАТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ ГОВОРОВ)

Этнокультурные особенности номинации речи в языковом сознании носителей донской казацкой культуры во многом определяются способностью диалектоносителей к переосмыслению, метафоризации значений существующих в языке явлений. Внимание ученых к проблеме развития и функционирования народных говоров обусловлено осознанием их значения как хранителей этнокультурного своеобразия языковых картин мира. Специфика этих процессов раскрывается как в исследованиях по лингвокультурологии (В. В. Колесов, В. В. Красных, В. Н. Телия), так и в этнолингвистических работах (Т. И. Вендина, Л. Я. Костючук, С. М. и Н. И. Толстые). Лексико-семантические аспекты изучения диалектных единиц рассматриваются в диссертационных исследованиях Л. К. Аллахвердиевой, Е. В. Брысиной, Р. И. Кудряшовой, И. А. Подюкова и других ученых.

Целью данной работы является исследование механизмов преобразования семной структуры диалектных лексических единиц в процессе образования переносного значения. Для реализации цели выдвигаются следующие задачи: 1) выяснить причины возникновения у диалектного слова переносных значений; 2) определить специфику условий функционирования вторичных значений диалектных лексических единиц, участвующих в номинации речи; 3) выявить своеобразие лексики, относящейся к тематической группе «Мир природы», характеризующей человеческую речь в переносных значениях.

В речи диалектной языковой личности отражается практический опыт освоения мира донскими казаками, поэтому большинство диалектных слов и диалектных фразем представляют собой знаки конкретных представлений, отражающих различные признаки предметов, явлений окружающей действительности, восприятие которой происходит на основе зрительных и слуховых ассоциаций. Появление нового значения у слова является результатом ассоциативных связей, возникающих на основе уже существующих знаний об окружающей действительности. Алгоритм образования вторичного, переносного значения возникает на основе традиционного общепринятого набора слов, ограниченного объемом памяти представителя культурного этнического сообщества и обусловленный функцией идентификации [4: 134]. Так, в сознании диалектоносителя происходит формирование прототипического образа – основы для нового значения лексической единицы (ЛЕ).

Г. И. Кустова обращает внимание на тот факт, что в сознании человека на протяжении его жизнедеятельности формируется базовый лексический фонд, который используется им для описания мира. Большинство из этих слов являются многозначными, которые сами говорящие считают «наиболее подходящими, содержащими наибольшие возможности для освоения, концептуализации новых знаний» [5].

Явление возникновения многозначности у ЛЕ связано, с одной стороны, с динамикой языковых изменений – образование новых значений слов, с другой стороны, благодаря наличию в слове семантического потенциала – способности к интерпретации новых типов ситуаций и объектов окружающего мира через уже существующее в языке единицы.

Способность диалектной языковой личности не просто номинировать какой-либо предмет или действие, но и одновременно давать ему характеристику, определять его место в аксиологической системе донского казачества оказывается достаточно продуктивной для метафорического переосмысления диалектных лексических единиц (ДЛЕ).

Образность ДЛЕ вторичной номинации, характеризующих речь донского казачества, мы рассматриваем на основе диалектных слов и фразеологизмов, принадлежащих к тематической группе «Живая природа: растительный и животный мир».

Животный мир.

Житель казацкой станицы часто сравнивает свою речь со звуками животных, которые окружают его в повседневной жизни, что вполне закономерно: диалектоноситель также является частицей мира природы, неразрывно связан с ним. Вот почему большая часть данной группы ДЛЕ, характеризующей речевую деятельность человека, представлена глаголами с первичной семой «звук, издаваемые животными»: **звигать** – ‘лаять (1)’ → перен. **груб.** ‘говорить’ (2) [1:187]; **гамкать** – ‘лаять, гавкать’ (1) → ‘браниться’ (2) [1: 102]; **чичкать** – ‘стрекотать (о птицах)’ – производные устойчивые сочетания **ни чичирк** – ‘ни звука’, **ни чи-чи** – ‘абсолютно ничего’ [1: 582]; **квоктать** – ‘кудахтать’ (1) → перен. ‘ворчать’ (2) [1: 214]; **гуртовать** – ‘ворковать (о голубях)’, // шутил. ‘нежно разговаривать друг с другом’ [1: 123]; **кагачить** – ‘раскричаться (о гусях), разгоготаться’ → **вскагачаться** – ‘раскричаться, подобно гусям’ [1: 90, 203] и др. Характеризуемые глаголы являются звукоподражательными. В ситуации, когда речь человека на уровне слуховых ассоциаций напоминает тот или иной звук, характерный для какого-либо животного, закономерно возникает положительный или отрицательный эмоциональный отклик на соответствующую коммуникативную ситуацию. Звукоподражательные глаголы не только характеризуют процесс речи, особенности речевого поведения, но и отражают особенности восприятия носителем говора объектов окружающей действительности, представителей мира природы.

Кроме звукоподражательных глаголов, участвующих в номинации речевой деятельности, можно выделить глаголы, характеризующие действия, производимые животными, которые во вторичном значении также участвуют в характеристике коммуникативных действий.

Дифференциальные признаки, мотивирующие возникновение вторичных значений и метафорический перенос, как отмечает Е. В. Колосько, часто возникают на уровне самых обобщенных категориальных представлений о свойствах, качествах, состояниях и действиях [4: 136]. Вторичное значение становится понятным, приобретает или подтверждает мотивационные признаки в ситуативном контексте использования ДЛЕ.

Общий признак – воспроизведение громких звуков – объединяет значения глаголов **забунеть** и **реветь**: **забунеть** – ‘зареветь, загудеть’ (1) (*Бык забунел*) → пер. ‘зареветь, заплакать (о детях)’ (*Вот забунел рибенак, расплакалси*) (2) [1: 161]; **реветь** – ‘громко, неистово кричать (о животных)’ (1) → ‘громко, во весь голос, плакать’ [1: 456]. Громкий крик, рев животного ассоциируется с детским плачем, столь же громким и пронзительным. Подобная характеристика речевых действий подтверждает наличие в диалектной лексике эмоционально-оценочного компонента, экспрессивности выражения (описания) какого-либо признака.

Значение неоднократности, повторяемости действия становится базовым для возникновения вторичных значений глаголов **турчать** и **брунчать**: **турчать** – ‘стрекотать’ (1), ‘квакать’ (2) → ‘свистеть’ (*Я турчу патихоничку: мама ни любить свиста*) (3) → ‘говорить одно и то же’ (*Жана турциуть, ходить адно тыр-тыр, да громка*) (4) [1: 535]; **брунчать** – ‘жужжать’ (1), ‘пищать, зудеть (о комаре)’ (2) → ‘хныкать, надоедливо выпрашивая что-либо’ (3) [1: 56]. Новые вторичные переносные значения возникают на базе конкретизации исходного.

В некоторых случаях происходит «конкретизация обобщенного переносного значения и образование на базе первичных метафор новых вторичных переносных значений» [4: 139]. Например, глагол **брухтаться** – ‘бодаться’ (1) (*Каровы брухтаюца, а пастух их ни разганяить*) → перен. ‘бороться, меряться силами’ (2) (*Брухтаюца – бароцца друг с другом. Споряца, щия сила сильней*) → перен. ‘сориться’ (3) (*Ани брухтаюца, кричат, лучшы разайтись*) [1: 56].

Не только глаголы становятся основой для образования вторичных значений ДЛЕ, участвующих в характеристике речи. Метафорические переносы при описании черт характера или речевого поведения носителей диалекта также используются в лексике донского казачества. Прилагательные **звигливый** и **звигучий**, имея словообразовательные дериваты из разных говоров, сходный фонетический набор, сохраняют семантически связанные первичные значения: **звигливый** – ‘злой, много лающий (о собаке)’ (1) и **звигучий** – ‘постоянно лающий, издающий высокие звуки (о собаке)’ (1) [1: 187]. Однако переносные значения, относящиеся к характеристике человека различны: **звигливый** – перен. ‘скандальный, крикливый’ (*Свякруха была такая звигливая, што упаси и памилуй*) и **звигучий** – перен. ‘болтливый’ (*Такой звягучий – на языке, как на аргани, а на дели черт манить*) [1: 187]. Эмоционально-оценочная информация содержится, безусловно, во всех значениях, обращает внимание тот факт, что в системе ценностных установок ни одно не принимается как норма, положительная особенность поведения, наоборот, вызывает осуждение, неодобрение.

Характеризуя вспыльчивость, задиристость человека и в мировой культуре, и в донском казачьем диалекте возникает ассоциация с поведением петуха. Шпоры на ногах подтверждают воинственный характер, боевой дух этой птицы. **Задера**, или **задека** – ‘вспыльчивый, задиристый’: *Задера – эта как титух, чуть што ни па ем, в драку лезить* [1: 167].

ЛЕ, номинирующие животных, птиц, насекомых, в составе диалектных фразеологических единиц теряют свою прямую соотнесенность с первичным денотатом и выступают в качестве слов-символов, репрезентируя во фразеологизме какую-либо взятую характеристику представителей своего вида [2: 79]. Таким образом, невозможно описать точное смысловое значение символа, внимание акцентируется на ключевых элементах символического значения. Например, **подпустить кошку** – ‘поссорить’ [3]: одним из символических значений образа кошки является ссора, неприятность, что отражается в значении фразеологизма; **как сороки на махан** – ‘о чрезвычайно любопытных людях, желающих посплетничать, посудачить по поводу какого-либо скандального события’ [3]: сорока в общеславянской культуре является символом болтливости (ср. трещит как сорока); **муха не пролетит** – ‘о сильной брани’ [3]: брань на столько сильная, что она как бы заполняет собой воздух до такой степени, что даже насекомое не может пролететь.

Оригинальность использования в структуре фразеологических единиц символов становится очевидна в связи со спецификой образной номинации в казачьем говоре. Как отмечает Е. В. Брысина, буквальное толкование образа, лежащего в основе символа недостаточно (или невозможно), а наличие абстрактного символического значения в полной мере проясняется только в составе диалектного фразеологизма [2: 83].

Таким образом, использование в номинации речевой деятельности явлений животного мира становится основой для их метафорического переосмысления, что предоставляет возможность обогащения речи донского казачества яркими, оригинальными лексическими и фразеологическими средствами.

Растительный мир.

Человек как частица мира живой природы чувствует ее, номинирует свои ощущения и облакает в словесную форму. Наблюдения за жизнью растений нередко становятся основой для возникновения переносных значений фитонимов (например, **плетун** – ‘плетущееся растение’ (1), перен. ‘болтун, враль’ (2) [1: 370] или «устойчивых выражений эмоционально-оценочного характера» [2: 71], участвующих в характеристике речевых способностей и речевого поведения участников диалектного языкового коллектива (Например, **арепей**, или **арепейник** – раст. ‘татарник колючий’ →

~ **привязаться (примкнуть) как арепей** – ‘проявить себя надоедливым, назойливым человеком; пристать как банный лист’ [1: 32]. Обращает на себя внимание такая особенность диалектной лексической системы: в диалекте сосуществуют терминологические названия растений как совпадающие с литературными, так и распространенные исключительно в донском диалекте. Уникальность фитонимов и условия их функционирования в образном контексте способствуют образованию культурно и этнически маркированных лексических и фразеологических единиц, характеризующих диалектные речевые особенности. Растения, избираемые для

характеристики речової діяльності діалектоносителей, не представляють культурно-значимую цінність. Як правило, в складі образних виражень участвують найменування сорних трав (арепей, купурь, осока, плетун), причому значення таких виражень мають негативну оціночність, в них закладена різко отрицательная характеристика.

Значення ФЕ, що містять в своїй структурі компонент – фитоним, можуть бути мотивовані ознаками, що складають характеристики рослин, так і немотивовані. В такому випадку в якості мотивуючих елементів можуть виступати літературні фразеологізми, що збігаються по структурі і значенню.

Наприклад, **купурь** – ‘растение с трубчатым стеблем’ [6: 278] в складі фразеологічного обороту *лезть в купурь* набуває два значення: 1) возмущаться по пустякам; 2) унижаться, проявлять подхалимство. Мотивованість такого образного перетворення важко визначити по відношенню до самого фитоніму, однак по структурі і значенню вираження *лезть в купурь* можна зіставити з літературною ФЕ *лезть в бутылку*. Можливо передбачити наявність в даній ДФЕ структурної мотивованості, так як подібна модель фразеологічного утворення відома в літературній мові.

Осока – ‘остролистое растение, растущее по берегам рек и озер’ → ~ **лезть осокою в глаза** – ‘приставать, надоедать, утомлять своим вниманием, настойчивостью’ [3]. Асоціація виникає по ознаці «раздражение, дискомфорт, желание избавиться от чего / кого-либо» і переноситься на образну основу ДФЕ. З аналогічним значенням функціонує стійке вираження ~ *привязаться (примкнуть) как арпей*. Експресивність і емоційність подібних ДФЕ створюється за рахунок метафоризації значення фитоніму і підтверджується прагматичною навантаженням в контекстних ситуаціях: *Привязался ко мне, как арпей к овечьему курдюку* [1: 27].

Характеристика людини болтливого, любящего приврать – **плетун** – також повністю закономірно співвідноситься з назвою плетущогося рослини, де в основі мотиваційної ознаки виступає ознака «перевивать, обвивать что-либо», в переносному значенні – запутывать словами.

Таким чином, назви рослин також можуть використовуватися носителями донського діалекту в якості способу найменування і характеристики мови і мовного поведіння власного і оточуючих.

Діалектне слово в силу своєї емоційно-оціночної зарядженості відкрито для переосмислення вихідних значень. Основною для появи вторинних номінацій у ДЛЕ тематичної групи «Мир природи» стає спостереження за поведінкою тварин, що видаються ними звуками, зовнішніми ознаками і властивостями рослин. Вибір діалектних лексем для метафорических трансформацій обумовлений особливостями мовного сприйняття носителя донської казачьей культури. Однак проблема регулярності і нерегулярності виникнення у діалектного слова похідних переносних значень залишається відкритою, вимагає більш ретельного дослідження, розробки алгоритму аналізу похідних значень ДЛЕ.

Источники и литература

1. Большой толковый словарь донского казачества. – М.: ООО «Русские словари», 2003. – 608 с.
2. Брыкина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества: Монография. – В.: Перемена, 2003. – 293 с.
3. Глухов В. М. Словарь донской диалектной и просторечной фразеологии (на материале говоров Иловлинского района Волгоградской области) (рукопись, 200 с.).
4. Колоско Е. В. Особенности семантического развития метафорической лексики, объединенной одним типом регулярных переносов наименования // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – СПб.: изд-во ИЛИ РАН, 2002. – С. 132-140.
5. Кустова Г. И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериментальной сферы // Вопросы языкознания. – 2005. – № 3.
6. Словарь русских донских говоров. Т. 1. – Ростов н/Д., 1991.

Ягунова Л. М.

КОМБІНАТОРНІ ІМЕННИКИ НА *ge-* НА ПОЗНАЧЕННЯ ОБ'ЄКТА ДІЇ У СЕРЕДНЬОВЕРХНЬОНІМЕЦЬКИХ РУКОПИСАХ

1. Вступні зауваги. Статтю присвячено розгляду іменників, утворених префіксально-суфіксальним способом. Аналізовані похідні вибрані з корпусу середньовісньонімецьких (далі – свн.) рукописів, до якого входять 79 текстів різних типів і жанрів¹. Усі лексеми об'єднують їхню належність до одного функціонального класу (позначення об'єкта дії) та наявність у їхньому складі префікса *ge-*.

Стаття продовжує цикл публікацій автора з іменникового словотвору свн. мови. На першому етапі префіксальні іменники на *ge-* вивчалися на основі лексикографічної вибірки. На цих засадах розглядалися також лексеми на позначення пацієнта [1]. Однак дослідження словникової вибірки виявляється недостатнім для висновків щодо мовногеографічної поширеності певних лексем та словотвірних типів, а також розвитку системи префіксального словотвору на протязі свн. періоду. Ці причини спонукали до подальшого розгляду аналізованих іменників на прикладі репрезентативного дослідницького корпусу.

Отже, до дослідницьких завдань у цій статті належить вивчення структури, семантики та функціонування іменникових утворень на *ge-* на позначення об'єкта дії у свн. діалектах (1050-1350 pp.), визначення тенденцій розвитку лексем аналізованого типу через порівняння їхнього якісного та кількісного складу у свн. та інших мовноісторичних періодах. Уперше здійснено аналіз іменників зазначеного типу на матеріалі оригінальних свн. рукописів.

До класу іменників на позначення об'єкта дії належать віддієслівні деривати, що визначаються за словотвірною парафразою ‘хтось/щось, із ким/чим ... робиться, діється’ [пор.: 2, с. 415; 3, с. 63, 448].

2. Словотвірні типи та лексемний склад. 32 лексеми (545 прикладів) на позначення об'єкта дії, наведені в дослідницькому корпусі, розподіляються за 3 словотвірними типами (див. табл. 1):